

Роберт Брэндом

От истины к семантике: путь через «Прояснение»*

Когда я сказал:
«Нет такой вещи как истина» –
Виноград казался тяжелее,
Лиса бросила свою нору.

Ты... Ты сказал:
«Есть много истин,
Но они – не части истины».
Тогда, ночью, дерево начало меняться.

1

Главное понятие теории значения, представленной в моей книге «Прояснение», – *вывод* (inference), а не *истина*. Конечно, имеется множество вопросов о том, как может работать инференциально-ролевая семантика; и большая часть моей книги как раз и посвящена поиску решений этих проблем. Цель моей работы – в достаточной мере разработать подстановочную и анафорическую структуру инференциальных ролей, чтобы изучить уже известные нам понятия с иной перспективы – и не последнее место среди них занимает *репрезентативное* измерение мысли и речи. В первых главах книги я обосновываю подход к пониманию теории значения, который выстроен на базе социальных практик предоставления и запрашивания оснований (reasons) для выводов – в этом подходе семантическая содержательность рассматривается в качестве статуса, базирующегося на состояниях и действиях благодаря той роли, которую они играют в указанном множестве практик. Основная идея заключается в том, что вывод, то есть выявление основания для следующего высказывания из предыдущего, является видом *действия*, которому мы можем научиться независимо от

---

* Brandom R. From Truth to Semantics: A Path through «Making It Explicit» // Philosophical Issues. – 1997. – Vol. 8. Перевод выполнен Инной Бышевской и Ренатой Сухоруковой с любезного разрешения автора.

других семантических идей – тем видом, который в дальнейшем может быть использован для более глубокого понимания таких традиционных понятий как истина и репрезентация.

Дэвид Льюис представляется мне философом, который считает своим священным долгом показать, что значит *употреблять* выражения, которое употребление устанавливает ассоциацию этих выражений с чем-либо семантически релевантным – долг, который я понимаю как долг разграничения *философской* семантики и формальной семантики (последняя лишь требует ассоциации на, по крайней мере, атомарном уровне). У Льюиса есть уже хорошо проработанная семантика, основанная на ассоциации токенов предложений с множествами возможных миров. В своей работе «Языки и язык» он задается вопросом о том, как же следует понимать употребление предложений для установления такого вида ассоциации. Его ответ принимает форму теории конвенции. Я же захожу с другой стороны, а именно с объяснения имплицитно нормативных социальных практик, определенных через приписывания обязательств. Переход к семантике принимает форму конкретизации последующей структуры, которой должен обладать подобный деонтический подход для того, чтобы считаться выраженным *инференциально* – а именно, как своеобразная игра в предъявление и запрос *оснований*.

Какой бы успешной ни была моя попытка укоренить семантику в прагматике, и какими бы интересными ни были результаты, подход в целом все равно выглядит несколько извращенным. Зачем связывать человеку одну руку за его спиной, обращаясь к задаче объяснения семантического содержания и тщательно избегая при этом понятия истины и понятия условий истинности? Почему – кроме разве что поиска нового подхода – следует перестать полагаться на истину как на базовое понятие семантической теории? Можно надеяться на то, что такое многомерное видение добавит глубины восприятию, и поэтому стоит искать новый угол зрения, используя вместе с тем и более традиционные понятия. Но существует ли какая-либо причина полагать, что начинать исследование значения с понятия условий истинности ошибочно – что это в определенном предсказуемом смысле ограничивает наше видение или стесняет наши достижения в объяснении значения?

Я со своей стороны заявляю, что должное понимание важности *выразительной* роли истины ведет к осознанию того, что эта роль полностью лишает истину возможности играть какую-либо *объяснительную* роль в понимании природы пропозициональной

содержательности. Этот решающий аргумент никоим образом не связан с инференциальной семантикой, которую я обосновываю в конструктивной части своего проекта (хотя ничто не является собой критерия адекватности последующей теории). Те, кто принимает этот аргумент, захотят, возможно, ответить на предлагаемую проблему совершенно другим образом – но не так, где условия истинности являются первичными и призваны объяснить природу пропозициональной содержательности.

Наиболее тонкий и успешный из известных мне способов объяснения выразительной роли понятия истины – того, что *делает* субъект, когда употребляет выражения с понятием истины, – *анафорическая* теория. У истоков ее стоят Гровер, Камп и Бэлнап со своей просентенциальной теорией истины. В той версии, которая мне импонирует, выражения, такие как «... истинно» и схожие с ними, понимаются как операторы, формирующие местоформы (pro-form forming operators). В наиболее простом случае выражение «Это истинно» является местопредложением (prosentence), которое относится к (и от которого получает свое содержание) анафорическому antecedенту – например, чему-то произнесению «Снег бел», – так же как местоимение (pronoun), такое как «он» относится к (и от которого получает свое содержание) анафорическому antecedенту – например, чему-то произнесению имени «Тарский».

Местопредложения, подобно тому как авторы изначальной теории вводят их посредством представления аналогии с местоимениями, определяются четырьмя условиям:

- 1) Они занимают все грамматические позиции, которые могут занимать повествовательные предложения, отдельно взятые или же в виде придаточных предложений.
- 2) Они универсальны, т. е. *любое* повествовательное предложение может быть antecedентом местопредложения.
- 3) Они могут использоваться анафорически либо в пассивной форме, либо в форме квантификации.
- 4) При любом употреблении местопредложение будет обладать анафорическим antecedентом, который определяет класс подходящих замещающих предложений для данного местопредложения (при пассивном использовании, синглетон). Этот класс

заменителей определяет значимость связанного с ним местопредложения.

Анафора – это такое отношение, когда содержание одного токена определяется его отношением к другому токenu или классу токенов – его анафорическим(-ими) antecedентом(-ами). Анафорически подчиненное выражение обычно *не* может быть заменено его antecedентом. Понимание анафорически подчиненного выражения – такое, согласно рассматриваемой теории, когда предложение сформулировано с использованием слова «истинный» (или «указывает») – является, соответственно, двухступенчатым процессом. Вначале вычисляется класс antecedентных токенов. Потом содержание анафорически подчиненного выражения определяется как функция содержаний его antecedентов.

Такой подход имеет множество преимуществ. В отличие от тех (включая традиционные прагматические теории и перформативные теории), которые Блэкберн назвал теориями «Фууу/Ура»¹, анафорический подход вполне может объяснить употребление выражения «истинный» в придаточных предложениях. Например, когда выражение «истинный» используется в antecedенте условного предложения – как в «Если истинно, что луна сделана из зеленого сыра, то должны существовать или очень огромные, или очень многочисленные космические млекопитающие». В данном предложении («Если истинно, что луна сделана из зеленого сыра») нет ни обязательств, ни согласия с утверждением, ни даже какого-либо особого отношения к высказыванию (utterance) этого предложения. Однако оно все равно обладает пропозициональным содержанием и делает полноценный вклад в содержание условного предложения. Придаточные местопредложения поддаются интерпретации как придаточные предложения. В отличие от теорий избыточности (например, теории Рамсея), анафорический подход может объяснить и именование предложений (как в «Гипотеза Гольдбаха истинна»), фраза «гипотеза Гольдбаха» определяет класс анафорических antecedентов целого местопредложения посредством описания этого

---

¹ То есть, причислил их к эмотивизму или экспрессивизму – *Прим. пер.*

класса². И в отличие от простых теорий раскавычивания, анафорический подход к истине изначально работает с квантификацией.

Местоимения, подобно которым формируются *местопредложения*, могут быть двух типов: «пассивные» (термин Гича), которые в самых простых случаях могут быть заменены без изменений содержания на свои антецеденты, и квантификационные (например, «он», «она» или «оно») как в предложении типа «Любое положительное целое число является нечетным, если *оно* не является четным». Так же и с *местопредложениями*. «Все, что говорит Макдауэлл, истинно» – пример квантификационного *местопредложения*. Точно так же, как квантификационно связанные анафорические местоимения позволяют нам выразить то, что мы бы не смогли выразить без них, так и квантификационно связанные анафорические *местопредложения* позволяют выразить то, что нельзя выразить без них. Тарский показал, что языки с понятием истины по выразимости могут быть сильнее, чем языки, в которых это понятие отсутствует. Одна из главных причин этого – квантификационные *местопредложения*³.

Анафорический подход легко справляется со случаями, в которых анафорический антецедент содержит индексалы, указательные местоимения, анафорические подчиненные предложения, выражения на иностранном языке – то есть все то, что вызывало немалые трудности у приверженцев теории раскавычивания. Так, если антецедент моего высказывания «Это истинно» – ваше высказывание «Я голоден», то вторым этапом вычисления содержания моего высказывания должна быть корректировка индексала у моего высказывания, поскольку оно должно содержать что-то типа «Ты голоден» (а вовсе *не* раскавычивание фразы «Я голоден» от моего лица, что в моих устах имело бы несколько другое содержание). В данном случае важным становится тот факт, что анафора – суть отношение между *токенами* выражений. Теории избыточности и теории раскавычивания не справляются с этими

---

2 Объяснение анафорического подхода, данное в 5 главе моей книги, отличается от оригинальной теории *местопредложений*, которая трактует выражения типа «истинный» в качестве операторов, формирующих *местопредложения*, которые могут быть присоединены к целой группе сингулярных терминов, служащих для определения класса анафорических антецедентов. Некоторые из них – имена-цитаты антецедентов, другие – дескрипции или индексалы, указывающие на них, и т. д.

3 Конечно, и в теории раскавычивания можно найти место для квантификационным употреблением выражения «истинный». Тем не менее, эти случаи употребления более естественно раскрываются именно в процентенциальном подходе благодаря аналогии с пассивными и квантификационным употреблением местоимений.

примерами, поскольку остаются на уровне *типов* выражений. На этом этапе оценки содержания анафорического подчиненного предложения необходимо приспособливаться к различиям, возникающим в связи с использованием демонстративов и местоимений, а также изменений в языке. Опять же анафорический подход хорошо справляется со случаями использования сентенциальных модификаторов. Возьмем предложения, анафорически подчиненные утверждению *что-р*, типа «Это было истинно», «Это не истинно», «Это возможно истинно», «Это, вероятно, истинно». Относительно всех этих предложений нельзя просто раскавычить антецедент. То есть, необходимо применить те же сентенциальные модификаторы к антецеденту, которые применены к анафорически подчиненному предложению: «Это было *что-р*», «Не-*р*», «Возможно-*р*», «Вероятно-*р*» и т. д.

Таким образом, теории раскавычивания предлагают упрощенную картину второй стадии оценки содержания анафорически подчиненных выражений со словом «истинный». Но они также упрощают и первую стадию – вычисление класса анафорических антецедентов. Теории раскавычивания в качестве парадигмальных образцов предложений, содержащих термин «истинный» и имя-цитату анафорического антецедента, берут следующее: «'Снег бел' истинно». Но ведь и другие виды имен могут быть использованы для указания на антецедент: как в «Гипотеза Гольдбаха истинна». Либо же антецедент может быть уточнен с помощью дескрипции: «Первое предложение на этой странице истинно». Раскавычивание представляет собой плохую теорию процесса определения анафорического антецедента. Поскольку на самом деле местопредложения могут использовать весь референциальный аппарат, доступный в языке. Нельзя «раскавычить» демонстратив «это» в «Это истинно», нельзя получить утверждение гипотезы Гольдбаха, раскавычив ее. Для правильного объяснения употребления термина «истинный» требуется более ясное описание обеих стадий анафорической оценки⁴.

Более того, хотя первоначальные авторы этой теории отдельно это не выделяют, становится ясно, что теория, которая трактует выражение «истинный» как оператор, формирующий местопредложения, также обобщает трактовку выражения «указывает» как оператор, формирующий местоимения. Наиболее простое использование последнего проявляется в *анафорически косвенных определенных дескрипциях*. Например, это выражения типа «тот, на которого

---

4 См. детали в главе 5 моей книги.

Киссинджер указал (представил, описал) как 'почти третьесортный интеллект'», которые понимаются как местоимение, чьим анафорическим antecedентом является некое высказывание Киссинджера. Полноценная местоимённая или анафорическая теория выражения «указывает» может быть создана, во-первых, демонстрацией того, как другие употребления выражения «указывает» и родственных ему могут быть перефразированы так, чтобы выражение «указывает» встречалось только внутри косвенных дескрипций, и, во-вторых, объяснением употребления этих дескрипций как местоимений, сформулированных путем применения оператора «указывает» к некоторому определяющему antecedent выражению. Уточнение выразительной роли терминов «указывает» или «обозначает» в этом случае позволит использовать рекурсивное порождение бикондиционалов Тарского. Поэтому трактовка выражения «истинный» в качестве оператора, который применяется для именованного предложения и производит местопредложения, анафорически зависимые от поименованного токена предложения, а выражения «указывает» как оператора, который применяется к выражению, представляющему собой токен термина, и производит местоимение, анафорически зависимое от него, позволяют, соответственно, одной теории объяснить употребление *и истины, и референции* в чисто анафорических терминах.

Наиболее близка сердцу создателей просентенциальной теории ее метафизическая экономичность. То, что в прошлом объяснялось как приписывание *свойства* мистического характера (истинности), теперь позиционируются как грамматические формы, анафорически указывающие на токены предложений, являющиеся их antecedентами. Этот подход задумывался как *онтологически уменьшенный* – или по крайней мере, скучный. Но одно часто игнорируемое, хотя и важное, преимущество анафорического подхода к выразительной роли термина «истинный» (и «указывает») заключается в том, что он не подвержен мощному и весьма влиятельному аргументу Богоссиана, согласно которому эта экономичность в конечном итоге должна сама себя уничтожить и привести к путанице⁵. Проблемным является зависимость дефляционистских положений от различия между предикатами (такими

---

5 Boghossian P. The Status of Content // The Philosophical Review. – 1990. Я имею в виду аргумент, изложенный на стр. 181: «отказ от того, что данный предикат указывает на (или выражает) свойство, имеет смысл только при грубой трактовке предикативной референции... Но если это верно, то этот отказ от того, что... истинностный предикат указывает на свойство, сам должен быть понят как сформулированный в терминах грубого понятия референции...».

как «...имеет массу более 10 граммов»), которые соответствуют свойствам, и предикатами (такими как «...истинно»), которые свойствам не соответствуют. Эти различия, как кажется, предполагают некоторую грубую корреспондентную теорию относительно содержания некоторых предикатов – по меньшей мере, тех, которые кажутся дефляционистам проблематичными, например, предикатов, относящихся к естественным наукам. Но последовательная приверженность отрицанию корреспондентных теорий относительно содержания требует истолкования употребления некоторого выражения как предиката как того, что должно выражать свойство, а употребления некоторого повествовательного предложения для того, чтобы сделать некоторое истинное утверждение, как того, что должно констатировать некоторый факт. Поэтому, согласно дефляционизму, запрещено отрицать, что «...истинно» обозначает свойство. В этом случае теории, которые отрицают, что истина является свойством, могут рассматриваться как концептуально неустойчивые.

Отметим, однако, что этот аргумент зависит от того трактовки «... истинно» как предиката. Если это выражение является предикатом, то поскольку это выражение используется для формулирования утверждений и констатации фактов, то оно должно, согласно дефляционизму, выражать свойство. Но сущность анафорического подхода к истине как раз заключается в том, чтобы оспорить это грамматическое допущение. Согласно анафорическому подходу, «...истинно» выражает оператор, используемый для формулирования местопредложений. Его синтаксис и грамматика весьма отличны от синтаксиса и грамматики предикатов, с которыми его роднит разве что поверхностное сходство, которое квантификационные выражения имеют по отношению к подлинным единичным терминам. Часть речи «...истинно», согласно этим теориям, не обладает непосредственно денотационной семантикой. Скорее, токены, сформированные с использованием выражения «... истинно», приобретают свою значимость анафорически посредством совершенно другого механизма. Так что когда говорится, что «...истинно» не выражает свойство, это означает, что оно даже по форме не является грамматически правильным для этой цели – так же как «никто» не может указывать на некоторого индивида, хотя хотя существуют некоторые аспекты его использования, которые и могут сбить нас с толку. Более того, данный тезис не делается *ad hoc*, чтобы избежать какую-то теоретическую замкнутость, о которой говорит Богоссиан, но он мотивируется базисными соображениями, связанными с

объединением различных употреблений выражений «истинный» и «указывает» в некотором теоретически понятном смысле.

Так, *если выразительные* роли «истинный» и «указывает» должны быть поняты в соответствии с указанными принципами – и доказательство того, что они *могут* быть поняты таким образом, конечно, далеко от доказательства того, что они *должны* быть поняты именно так, – то не следует предполагать, что истина и условия истинности в каком-то смысле фундаментальны и обладают *объяснительным* потенциалом. В частности, я думаю, что нельзя объяснить понятие *анафоры*, центральное для широкого круга просентенциальных теорий, без обращения к antecedentному понятию *пропозиционального содержания*, которое в наиболее простых случаях наследуется местопредложением от его анафорического antecedента. То есть, нельзя использовать понятие анафоры в семантической теории, если только до этого не использовалось понятие пропозиционального содержания. Так, если объяснение выражения «истинный», и, следовательно, условий истинности, зависит от понятия анафоры, то нельзя не создать замкнутый круг в аргументации при объяснении понятия пропозиционального содержания через истину и условия истинности⁶.

Обо всем, что обладает пропозициональным содержанием, *можно* сказать, что оно обладает условиями истинности. Согласно просентенциальному подходу, это будет справедливо для всего, что можно выразить при помощи повествовательного предложения или соответствующих придаточных, начинающихся с союза «что». Далее, можно *выразить* пропозициональное содержание выражения, указав его условия истинности. И эта выразительная роль далее означает, что можно *объяснить* значение даже незнакомых слов посредством *выражения* их условий истинности при помощи слов уже знакомых нам – как можно было бы поступить, говоря «Schnee ist weiss» истинно тогда и только тогда, когда снег бел. Но согласно анафорическому объяснению выразительной роли истины, неправильно (хотя и весьма заманчиво) думать, что таким образом, используя условия истинности, можно объяснить, что такое вообще пропозициональное содержание. Так что дефляционистам следует признать, что существует возможность

---

6 Этот аргумент напоминает аргумент, выдвинутого Даммитом против возможности использовать условие-истинностные семантические теории тем, кто придерживается теории избыточности истины. Я вижу в этом аналогию, но считаю, что особая роль, приписываемая понятию анафоры, делает этот аргумент вполне хорошим, хотя я не убежден, что аргумент Даммита хорош.

выражения семантического содержания при помощи условий истинности, при одновременном отрицании возможности *объяснения* семантического содержания вообще через условия истинности. Результат этот будет до тех пор оставаться отталкивающим, пока не будет найден способ понимания содержания в категориях, отличных от условий истинности⁷.

Действительно, я подозреваю, что подобные выводы связаны с отсутствием должного внимания к просентенциальным теориям относительно выражения «истинный». Стоит признать, что, хотя такие теории адекватно описывают выразительные особенности истины, учитывая отсутствие убедительного и независимого объяснения пропозиционального содержания, а также анафоры, они не очень-то помогают при объяснении. С этой точки зрения одно из достоинств моей книги «Прояснение» заключается в том, что, основываясь на изложенных в ней положениях, можно получить независимое объяснение пропозиционального содержания в терминах инференциальных ролей – таких, которые могут быть использованы для определения анафорических местопредложений и, следовательно, при описании того, какие *действия* совершаются при употреблении понятий истины и условий истинности. Сходным образом обсуждение подстановочных выводов предлагает объяснение концептуальную роли сингулярных терминов, независимых и антецедентны любому любому объяснению термина *референция* – того, которое можно использовать для определения анафорических местоимений через их заимствование подстановочно-инференциальных ролей от их антецедентов, и, следовательно, для описания того, какие действия совершаются при употреблении выражения «указывает».

Точка зрения, выдвинутая в моей книге «Прояснение», отличается от ранее существовавших «дефляционных» подходов по ряду пунктов:

- 1) Анафорическая теория, рассматривающая выражения «истинный» и «указывает» в качестве операторов, формирующих местоформы, обладает техническими

---

⁷ Так, Богоссиан, например, просто *допускает*, что содержание должно пониматься в терминах условий истинности [Boghossian P. Op. cit. – p. 173]. Не удивительно, что те, кто начинают с такого предположения, обнаруживают затем, что теории, содержащие дефляционный тезис относительно объяснительного употребления выражения «истинный», оказываются необоснованными.

- и теоретическими преимуществами перед традиционными дисквотационными подходами.
- 2) Она не является *дефляционной* относительно выразительной роли этих традиционных семантических выражений. Наоборот, она пытается создать общую схему, показывающую, как эти выражения позволяют нам сказать то, что без них мы не смогли бы сказать. Это включает в себя и обобщения, сформулированные при помощи квантификационного использования местоформ, локальные объяснения содержания посредством определения условий истинности, а также процесс межличностной передачи информации. Дефляционизм только о *выразительных* особенностях истины просто ошибочен: Тарский давно показал нам, что добавление понятия истины к языку увеличивает его выразительные возможности.
  - 3) Моя теория является дефляционной относительно *объяснительной* роли рассматриваемых выражений, в частности, на том, что они соответствуют объяснению того, в чем состоит пропозициональное содержание.
  - 4) Моя теория не заканчивается на обозначенных негативных положениях, с ее помощью я принимаю обязательство по построению такого объяснительного дефляционизма: обязательство сформулировать детальное объяснение того, в чем заключается пропозициональное содержание, объяснение, формулирующееся через понятие обладания условиями истинности.

2

Действительно, книга представляет собой развернутый ответ на эту задачу. Весь проект основывается на методологической приверженности объяснению *значения* языковых выражений через их *употребление*. Этого объяснение начинается с рассмотрения социальных практик, где необходимо определить структуру, которой они должны обладать, для того чтобы их можно было причислить именно к роду *языковых* практик, и затем это объяснение представляет рассмотрение того, какие различные

виды семантического содержания эти практики могут придавать формам, действиям и выражениям, схватываемым в них. В результате мы получаем новый вид концептуально ролевой семантики. Она одновременно крепко связана с действительными практиками речевыми актами (осуществляемыми и воспринимаемыми), и достаточно четко сформулирована для того, чтобы прояснить то, как эти практики могут передавать различные виды содержания – не только *узкое* содержание, но и *широкое*. Прагматическая значимость различных видов речевых актов передается (на теоретическом уровне) посредством того, как эти действия влияют на признание обязательств или же их осознание каким-то другим образом теми, действиями которых они являются. То есть, объяснение языковой практики формулируется в нормативной метаязыке оценки обязательств.

Следующий шаг заключается в том, чтобы сказать, какой структурой должен обладать такой набор социальных практик, чтобы их можно было причислить к дискурсивной практике. В этот момент совершается переход от прагматики к семантике. Определяющей чертой дискурсивной практики является производство и потребление пропозиционного содержания. Доказывается, что обладание пропозициональным содержанием должно пониматься в терминах специфически *инференциальной* артикуляции; пропозиции могут служить в качестве посылок и заключений в выводах, то есть, служить в качестве оснований и находится в состоянии требования этих оснований. Фундаментальным речевым актом – присутствие которого необходимо и достаточно для тех практик, которые могут считаться языковыми – является *утверждение* (assertion). Утверждение представляет собой ставку на некоторые предложения (claims), которые инференциально артикулируются в базовом смысле нахождения в состоянии требования оснований и соответствия роли оснований.

Понятие *подстановки* и подстановочных выводов используется для того, чтобы показать, как выражения (такие как сингулярные термины и предикаты), которые не могут сами по себе играть инференциальную роль посылок или заключений в рассуждении, могут, тем не менее, играть косвенную инференциальную роль благодаря своему систематическому вкладу в такую роль предложений, где они встречаются. Так, понятие *анафоры* (чьим базовым примером является отношение между местоимением и его антецедентом) и анафорическое наследование подстановочных обязательств используется для того, чтобы показать то, как даже невозпроизводимые выражения (такие как токены

демонстративов) выполняют подстановочно-инференциальные роли, выражая тем самым концептуальное содержание.

В результате мы приходим к такому виду *концептуально ролевой семантики*, которую отличает, во-первых, природа функциональной системы, по отношению к которой эти роли индивидуируются и атрибутируются: мы обращаемся к роли в имплицитно нормативной языковой социальной практике сообщества, а не поведению отдельного индивида. Это позволяет охарактеризовать широкое содержание, а не только узкое содержание. Наш вариант концептуально ролевой семантики также отличается от обычных, знакомых нам способов использования понятия концептуальной роли тем, что концептуальная роль понимается нами через специфически инференциальную артикуляцию, и тем, что в нашем варианте концептуально ролевой семантики разрабатываются фундаментальные подстановочные и анафорические структуры указанной инференциальной артикуляции.

Самой главной задачей для тех, кто подходит к семантике со стороны понятия вывода, является объяснение репрезентативного измерения семантического содержания – истолкование референциальные отношений через инференциальные отношения. В моей книге репрезентационные свойства семантического содержания толкуются как следствия по существу социального характера инференциальной практики. Такие слова, как «of» (выражение родительного падежа в англ.), которые выражают интенциональную направленность, а также «about» (англ., «о») и «represents» (англ. «репрезентирует») в их значимом для философии употреблении, обладают выразительной ролью, ясно показывая отношения репрезентации, так как они используются в *de re* приписываниях пропозициональных установок. Это тропы, которые используются для того, чтобы сказать, о чем думает некоторый субъект, что *репрезентируется* некоторым убеждением, и *относительно* чего истинно некоторое утверждение. Моя стратегия здесь состоит в том, чтобы предложить объяснение практик (объяснение, выстраивающееся на основе дискурсивных оценок), которые в употреблении предложений выражают эти *de re* приписывания, и, следовательно, объяснение того, как следует употреблять некоторые выражения, чтобы они означали «of», «about» и «represents». Соответственно, это объяснение того, что выражается посредством фундаментально ясных репрезентационных выражений, позволяет объяснить *объективность* понятий. Это объяснение принимает форму некой детализации особого вида инференциальной структуры, которой должны обладать социальные

практики оценки для того, чтобы устанавливать объективные нормы – нормы, согласно которым правильность применения понятий соответствует фактам об объекте, к которому эти понятия применяются, таким образом, что любой участник языкового сообщества может ошибаться на их счет.

Отношение выразимости между тем, что скрыто во время действий субъектов, и тем, что явно проявляется ими во время акта говорения, имеет два различных уровня. На базовом уровне вопрос заключается в том, каким образом способность учитывать некие принципы (то есть, обладать знанием, что нечто имеет место) вырастает из способности участвовать в практиках – то есть обладать знанием о том, как делать что-то в том смысле, чтобы быть способным это сделать. Что должны уметь делать наши субъекты, чтобы обладать способностью *говорить*, что вещи таковы и таковы, то есть, выражать нечто явным образом? Первый уровень объяснения выражения соответственно состоит из объяснения имплицитной структуры языковых практик, благодаря которой они рассматриваются как нечто проясняющее.

Второй уровень объяснения выражения заключается в разработке теории выразительной роли *логического* словаря. Рассматриваемое утверждение состоит в том, что словарь логики отличается по своей функции эксплицитного выражения в языке особенностей употребления этого языка, которые придают концептуальное содержание состояниям, установкам, действиям и выражениям, значимость которых определяется этими практиками. Условные предложения служат в качестве парадигмального средства иллюстрации этих выразительных ролей. Согласно инференциальному подходу к семантике и подходу деонтической оценки по отношению к прагматике, субъекты придают определенное пропозициональное содержание состояниям и выражениям частично при помощи их оценивающей практики по отношению к интерпретации осознания некоторого доксистического обязательства (обычно через ассерторическое высказывание предложения) как обладающего прагматической значимостью гарантирования дальнейших обязательств, которые связаны с изначальным обязательством как инференциальные следствия. На базовом уровне интерпретация утверждения, выраженному одним предложением, как инференциального следствия утверждения, выраженного другим предложением, является тем, что в действительности могут делать рассматриваемые субъекты, потому что такие практические установки могут быть имплицитны в том отношении, что они отвечают всем действиям других субъектов, так что

их предложения означают одно и то же. Однако с введением условных высказываний, связывающих предложения, появляется выразительная сила, позволяющая эксплицитно выразить то, что одно утверждение является следствием другого. Выразительная роль условных предложений делает имплицитные инференциальные обязательства в форме повествовательных предложений, утверждение которых допускает докастическое обязательство о пропозициональной содержательности. Сходным образом на базовом уровне оценщики могут рассматривать утверждения, выраженные двумя предложениями, как несовместимые: а именно, интерпретируя обязательство по отношению к одному как на практике препятствующее допущению другого. Введение высказывания с выразительной силой отрицания позволяет выразить эти имплицитные социальные отношения оценки явным образом, говоря, что два утверждения несовместимы (одно влечет отрицание другого). Тожество и квантифицированные выражения анализируются, согласно этой модели, как проясняющие подстановочные характеристики соответственно сингулярных терминов и предикатов, и дальнейшие высказывания сгитаются теми, которые играют соответствующую выразительную роль в прояснении анафорических отношений.

Так, в моей книге выдвигается *выразительная теория логики*. С этой точки зрения философская значимость логики состоит не в том, что она позволяет тем, кто искусно овладел использованием логических выражений, *доказывать* особого класса утверждения. Значимость словаря логики, скорее, заключена в том, *что* она позволяет говорить владеющим этим словарем людям – особый класс утверждений, которые этот словарь позволяет им *выразить*. Словарь логики наделяет людей выразительной силой, прояснять в виде содержания утверждений те имплицитные особенности языковой практики, которые придают семантическое содержание высказываниям. Логика является органом семантического самосознания. Она высвечивает практические установки, определяющее концептуальное содержание, которое способны выразить члены языкового сообщества – заключая его в форму эксплицитных утверждений, они в дальнейшем могут быть оспорены, к ним можно будет подобрать альтернативы. Формирование понятий, с помощью которых субъекты могут достичь знания о чем угодно, становится тем, что могут осознать люди, владеющие словарем логики.

Объяснение особенностей употребления логического словаря, приписывающего специфический вида семантическое содержание, является, соответственно, так же объяснением того, каким образом тот

вид выразительной силы, который необходим теоретику для объяснения особенностей употребления не-логического словаря, приписывающего семантическое содержание, может стать доступным тем, чья языковая практика является предметом исследования. Именно этот факт устанавливает выразительные границы всего проекта. Цель наша двояка: прояснить эксплицитные деонтические социальные практики оценки, которые достаточны для передачи концептуального содержания не-логическим предложениям, сингулярным терминам и предикатам вообще, и прояснить эксплицитные деонтические социальные практики оценки, в силу которых может быть введен словарь, играющий выразительную роль, характерную разнообразным отдельным логическим выражениям. В какой мере реконструируется логический словарь? Ни больше, ни меньше, чем требуется для прояснения в самом языке деонтических социальных практик оценки, которые достаточны для того, чтобы придать концептуальное содержание не-логическому словарю вообще. В этом случае уточняется, какие практики должен теоретик приписать сообществу, чтобы рассматривать его членов как людей, вовлеченных не просто в особую языковую практику, но и в такую языковую практику, которая наделяет их достаточной выразительной силой, чтобы сказать, что их практики придают концептуальное содержание их состояниям, установкам, действиям и выражениям. То есть, они могут выразить прагматическую и семантическую теорию моей книги. В этой выразительной плоскости проект начинает поглощать сам себя – представляя читателю объяснение того, что означает сказать нечто настолько мощное, чтобы объяснить, что конкретно это нечто сказанное само говорит.

В качестве составляющей части проекта предлагается объяснение значимой анафорически выразительной роли, которую играет традиционный семантический словарь: а именно, выражения «истинный», «указывает» и «обозначает». Это требует привлечения всего основанного на прагматике семантического аппарата *инференциальных* отношений из числа тех, которые могут быть выражены в предложении, с инференциально значимыми *подстановочными* отношениями из числа концептуальных структур, выраженных подстановочными выражениями (такими как сингулярные термины, и предикаты), и с подстановочно значимыми *анафорическими* отношениями из числа неповторимых токенов, которые делают возможным такие фундаментальные особенности эмпирического дискурса как дейксис и индексальность. Согласно этой концепции, термины «истинный» и «указывает» являются

частичками логического словаря, которые выявляют существенные черты комплексного процесса, управляющего нашей языковой оценкой таким образом, чтобы можно было выделить инференциально полезную информацию из высказываний тех, чьи обязательства отличны от наших. То, что мы говорим, привлекая традиционный семантический словарь, нельзя высказать без него. Но один из главных уроков всей истории заключается в том, что мы лучше понимаем этот словарь, когда он появляется в конце наших семантических исследований, а не в их начале.